

Искусство

№ 94

Блок 7

Хотелось бы попробовать вести разговор, обозначая его (может быть, это звучит глуповато или претенциозно) «Рождение музыки из духа трагедии». Попытаться рассказать о духе эпохи, хотя рождение музыки и поэзии сопровождает трагедию индивидуальной жизни. В этом выражении отдельного пути предельной индивидуальности вашей жизни должна состоять цель бесседы... тем не менее воздух того времени (или его безоднозначности) тоже что-то значил... Может быть, у вас другая точка зрения...

Ну, вы столько сказали разного, что я не знаю на что отвечать... что касается позиции и музыки, я думаю, что фактически это одно искусство... сейчас, понимаете ли, настолько много разных линий и и столько людей по-разному это делают... и столько практик разных, что очень трудно говорить о каком-то синтезе, а он существует... Вот теперь — что вы хотели сказать о времени, о воздухе времени? Это я не поняла.

— Это, может быть, какие-то важные фрагменты биографии, какие-то пункты, важные для вас.

— У меня, во-первых, никакой биографии-то нет, скажите конкретно, что вы под этим подразумеваете?

— Отсутствие биографии — это, может быть, тоже есть биография... художника, только определенным образом обозначенная. Мне хотелось бы спросить именно о моментах трудиливо-сопоставления внутреннего и внешнего.

— Что вы считаете внешним?

— Вы говорили о влияниях. Начнем с этого.

— Ну хорошо. Видите ли в чем дело... Есть какие-то неизменные законы, если человек думает об искусстве, то это неправильного, чем в применении к искусству действовать по каким-то заранее выработанным принципам или схемам. Я держусь того мнения, может быть, это и неверно, что вообще об искусстве можно говорить только языком искусства. Иначе это беспредметный разговор... как, скажем, если бы есть какую-то пищу и описывать этот процесс. Искусство не терпит иоронного вмешательства, потому что оно окружено очень тесно своей собственной оболочкой. Здесь настолько много установилось всяких демагогических принципов... нельзя какую-нибудь идею, понимаете ли, облекать в какие-то жизненные одежды, так же нельзя искусство понимать буквально. Мне никогда не казалось убедительным, что можно считать, что творчество художника идет от каких-то источников. Всякий самостоятельный художник вырабатывает свой язык, свои структуры... Если говорить о влияниях, то что влияет на этих авторов, настоящих авторов? Отсюда слово «автор»... на них невозможно влиять. Он формировался, наоборот, в борьбе со всеми посторонними влияниями и в утверждении своей личности, понимаете?

— Но борьба с влияниями или преодоление их — является ли она частью формы, которую вырабатывает, создает себе автор?

— Я не знаю. Каждые влияния?

Откуда автор знает, где эти влияния?

Где ему их искать? Понимаете?

— Он сам не знает?

— Да. Я могу говорить только о своем опыте. Я ничего не могу говорить о других. Я плохо знаю себя. Еще хуже других. Я не думаю, что на меня мог кто-нибудь влиять... Я очень много люблю в искусстве, но никого никогда не приходило в голову делать что-нибудь подобное тому, что делал мой любимый писатель или композитор. Наоборот, я всегда знала, что буду делать что-то другое, даже не противоречиво... Например, я очень люблю Достоевского, но я никогда даже не подумала бы хоть что-то у него взять. Из стихов скажем, я очень люблю Гете, но... если бы он прочитал мои вещи, то был бы в ужасе, ему было бы это в высшей степени неприятно. Или, скажем, я очень люблю Хлебникова, но это абсолютно противоположно... противоречиво... всем моим представлениям об искусстве — то, что он делал — понимаете?

В косвенном смысле... когда я делаю какую-нибудь большую, многоголосую вещь, я думаю о партитурах, скажем, Рихарда Штрауса, иногда я даже думаю о том, как бы он распределил голоса, да, такие вещи я обдумываю... и я технически стараюсь иногда подумать, но, что бы это было в оркестре голос, куда бы его повел та-ко-то или так-то... это я думаю, да, но я не думаю, что это есть влияние.

— Ну, мы не будем бороться за терминологию.

— Здесь есть несколько способов и разных случаев инспираций. Когда я собираюсь что-то писать, я часто слушаю до начала работы... музыку, которую я люблю, и это меня инспирирует... и это приводит меня в рабочее состояние, и, может быть, бессознательно, я подпаиваю под влияние этих ритмов...

— Но я пытаюсь выявить область этого воздействия.

— Это очень трудно.

— Трудно, потому интересно... определить что-то промежуточное между грубым воздействием и чем-то отдаленным.

— Как раз такие разговоры, которые мы с вами ведем...

— Отдалите?

— Нет, это единственное, что может помочь. Когда об этом говоришь вслух, то это приводит в порядок мысли, понимаете? Я хотела сказать об инспирации и о том, откуда все это появляется, это все большая загадка... Наша цель...

— поддерживать эту загадку и одновременно...

— ...задача людей не непременно разгадать...

— Цель поэзии — поддерживать состояние тайны, охранять тайну...

— Нет, это не цель поэзии, это ее суть. Человек — великая тайна, откуда у меня являются эти образы, я не знаю. Это большая загадка для всех, но они у меня живут где-то.

Я думаю, что у меня первый импульс — всегда музикальный, потому что потом из этого рождается музыкальная структура. Дальше я уже управляю. И это огромный процесс. И это действительно трудно, и кто тебя вырашивает? Ты ли, она тебя тащит... и это ужасный мучительный процесс. Поэтому мы всегда так возмущающиеся всяких попыток его вульгаризировать.

— Понятно. Хотя я и опишу любопытные обрывки, все же попытка задать вопрос именно о части этой целостности... можно ли раздвинуть эти части целого, не нарушая?

— Вы слишком абстрактно думаете. Я задам вопрос более конкретный. В стихотворении или поэме «Вехи тихое море», написанной Анной Н...

— Я знаю, кто это?

— Это моя мать, мат.

— Там есть этот повторяющийся образ «трутара, бульвар». И когда вы говорили о Баку 20-х годов...

— Да, да.

— Тот бульвар?

— Да, конечно. Вы понимаете, что, чтобы сейчас сказали... вы мне объяснили, как это ко мне пришло. Я это совершенно бессознательно написала.

— Это в бессознательно. Оно для вас существовало, и этого было достаточно.

— В подсознании.

— Это нельзя даже называть подсознанием. Ну... вы его называете подсознанием.

— Подсознание. Я это совершенно бессознательно писала. Мы с ней всегда в шесть часов (днем было очень жарко) ходили гулять на бульвар. Когда я о нем думаю, я вижу ее в вечернем солнечном свете, на тротуаре, и мы идем вдоль этого громадного бульвара, который мы так напомнили бульвар в Канне, когда я там была — это совершенно бульварный был бульвар. И вот... для меня... она, моя мать и мое детство — это приморский бульвар. Ну конечно, когда я этот нарисовала, делала я это технически начала совершенствовать и приводить в порядок, но я никогда не думала, почему тротуар?

— Никогда.

— Но я заложила этот вопрос как важный и для себя, потому что это очень сильно беспокоит.

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— В самом деле?

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется, это что-то дает...

— Для меня это было Тверской, но не в этом деле... Отнюдь, казалось бы, не надо в стихах упоминать, какой бульвар? Такой способ надо замеркнуть... мы все равно не проникнем, это остается целостным, и вместе с тем, зная, что это — бульвар, наш бульвар, наш индивидуальный образ Баку выдохнется